

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095

ОГОНЁК

№ 6

1984

Евгений ВИНКУРОВ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

КОСМОГОНИЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 6

Евгений ВИНОКУРОВ

КОСМОГОНИЯ

СТИХИ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1984

Евгений ВИНОКУРОВ

Евгений Михайлович Винокуров родился в 1925 году в Брянске. После окончания 9-го класса ушел добровольно на фронт. Участвовал в боевых действиях в качестве офицера-артиллериста на 4-м Украинском фронте.

В 1946 году поступил в Литературный институт имени А. М. Горького, окончание которого совпало с выходом его первой книги «Стихи о долге». За ней последовали поэтические сборники: «Синева», «Признания», «Лицо человеческое», «Слово», «Музыка», «Характеры», «Земные пределы», «Ритм», «Жест», «Метафоры», «В силу вещей», «Сережка с Малой Бронной», «Контрасты», «Дом и мир», «Она», «Жребий», «Благоговенье», «Бытие» и др.

Опубликовал книги статей «Поэзия и мысль» и «Остается в силе». Лауреат Международной премии имени Дж. Неру.

Является членом французской Академии Малармэ.

В 1976 году вышел двухтомник «Избранные произведения». Двадцать книг поэта издано в переводе на разные языки мира.

КОСМОГОНИЯ

Многое познавши и изведав,
занят был вселенскою игрой...
Массу неожиданных сюжетов
жизнь предоставляла нам порой.
И ничем на свете не насытясь,
я уйду в тот мир, в тот, что в тени...
В гаснущем сознание пронеситесь
в миг последний прожитые дни!
Жизнь моя, ты вечность, та, что круто
свернута в спираль, сама в себе,
ты и вечность, но ведь и минута
ты в космогонической судьбе!..
Занят бесконечною погоней,
мир несется за самим собой!..
В этом парадоксе космогоний
беспреданный движется прибой.
Круто изгибается прямая,
в точку параллельные сошлись!..

И глаза в раздумье подымая,
я покойно
всматриваюсь ввысь.

ФУРГОН ВОЕНТОРГА

Как лица солдат от восторга
сияли в тот сказочный час!
Зеленый фургон военторга
однажды побаловал нас...
Купить мне так радостно было
на грязном и злом рубеже

кусок земляничного мыла
с загадочной маркой ТЭЖЭ!..
И писарь рябой батальона
вдыхал, отложив автомат,
тройного одеколona
почти неземной аромат.
И кисточкой мыльной раз по сту
обозный один старичок
водил, выбривая коросту
с крестьянских задубленных щек...
Связистке досталась помада.
И застонала душа!..
Как мало ведь, в сущности, надо,
чтоб вспомнить, что жизнь
хороша...

* * *

Это странное чувство свободы
я любил, городское дитя,
с понедельника и до субботы
над учебником скучным корпя...
Но когда, заплывая в туманы,
древний парк свежей зеленью пах,
я входил в него, руки в карманы,
в школьной куртке своей нараспах...
Я смотрел, как медлительно с лозы
капля падала в мир повилик...
И свободы туманные слезы на глазах появлялись моих.
Крон могучих пустые турбины
все вращали листву в вышине...
И природы бесцельной глубины
открывали объятия мне...
Лежа видел я птиц перелеты
и бессмысленный ход мураша...
И к душе бесполезной природы
вдруг моя прикасалась душа.

ЖАР-ПТИЦА

Под ледяным дождем столица,
осенний и тоскливый час,

но мне отрадно знать: жар-птица
меня ждет в комнатке сейчас!
Мой поднят воротник, в кармане,
бренчат квартирные ключи...
Глаза закрою — и в тумане
одни слепящие лучи!..
И я вхожу, кульки роняя,
покинув за спиной дела..
Спрошу лишь: — Ты ждала, родная?
И скажет мне она:
— Ждала...

КЛЯТВА ГИППОКРАТА

Вы когда-нибудь, право, слышали, повторяемое стократ,
в переполненном актовом зале
клятву, что завещал Гиппократ...
Прежде всяких там этаких этик,
коль уж он получил этот чин,
должен быть сострадателен медик
просто так, безо всяких причин!..
Не от нравственного трактата,
не от всех философских систем,
помнит клятву, что дал он когда-то,
с добротой относиться ко всем.
В желтизне Аравийской пустыни
и во тьме комариных болот
моментально на мудрой латыни
он бесстрастно рецепт подмахнет.
И, склонясь к выпирающим ребрам
нищих женщин, детей и мужчин,
он обязан быть попросту добрым,
просто добрым, без всяких причин...
С богадельни и до детсада,
с лепрозория и на чуму...
Так сказал Гиппократ: — Это надо..
Объяснения тут ни к чему.

* * *

В зале вокруг прекрасной Афродиты
пестрая туристская толпа.
Руки высоко у ней отбиты.
Нет в глазах зрачков, но не слепа...

Потрясая непонятной позой,
пребывая где-то там в мирах,
мраморной своей ногою босой
попирает повседневный прах...
Как кувшинка посреди затона,
пестрою толпой окружена,
в мир идей невидимых Платона
смотрит немигающе она.
За окном кафешантана зданье,
Казино и бар наискосок...
Вот она стоит, как оправданье
мира, что таинственно высок.

НЕБО

Однажды, помню, снегу намело...
Замерзший батальон вошел в село —
и ни одной невыгоревшей хаты.
Здесь полчаса назад был бой жесток!
Найти бы хоть какой-то закуток,
чтоб перебились до утра солдаты.
На трупы падал, падал снеговал...
Накрывшийся одолженным тулупом,
я, передрогший, переночевал
в траншее, там, где труп лежит над трупом...
И небо надо мной текло, текло...
И как-то так обидно, понапрасну
я отдавал последнее тепло
беззвездному и вечному пространству.

БУДНИ

Угрюмая и неласковая,
раз этак, быть может, в сотый,
ты стоишь, прополаскивая
горло больное содой...
А за окном там поздняя
осень какого-то года,
такая ж, как ты, гриппозная,
неласковая погода...
И нету охоты беседовать!
Утюг раскалился ало...
Да стоит теперь уж так сетовать,
что буднями жизнь пытала!..

КОСМОС

А небосвод по-прежнему молчит...
Меня ж земля родная не отринет.
Сигнал прощальный сердце отстучит,
и тот сигнал вселенной будет принят...

Ч А Й

Не сравнится с воинственным маем
кроткий август, но все же, постой:
только в старости мы понимаем
этот жизненный крепкий настой!..
Только в старости мы ощущаем,
в предзакатной такой тишине,
это блюдо с дымящимся чаем,—
остывающее в пятерне...
Прожил жизнь я, но краски рассвета
было мне оценить недосуг!..

А сейчас мне нужна лишь беседа
да надежно усевшийся друг...
Прожил жизнь я, а словно бы не жил.
Ничего-то как будто и нет!..
Я недавно увидел, как брезжил
не замеченный мною рассвет...

Мы, приятель, чего-то да стоим!
И меня утешает вполне
это блюдо с отменным настоем
в растопыренной пятерне...
А что было, то как не бывало:
ревность, гордость, безумие, страх!
Затихает, как эхо обвала,
что случился в далеких горах!..
Было: женщины, дальние страны,
командиры и чудачи!..
Поднимают досадливо раны,
что, как в песне поют, глубоки...
Срок таким оказался вдруг куцом!..
Как простужена все же душа!..
Только пять этих пальцев под блюдцем
остывают сейчас не спеша...
И реально сейчас только это...

Где-то взорван вдали динамит!..
И напиток багрового цвета
в растопыренных пальцах дымит.

З А Л

Угрюмая глубь театрального зала...
Ну, что ж, ты считал,
что искусство, как сало!..
Оно же болезни сродни, не врачу!
Оно выбивает из равновесья...
На место уселся — мгновенье, и весь я
куда-то, куда неизвестно, лечу...
И вот я спиралью кружим гулевою,
и вот обо что-то я бьюсь головою,
и в небо уносит меня! Вдалеке
вдруг занавес падает. Все честь по чести:
я снова сижу перед сценой на месте
с программкой измызганною в руке...
И вновь предо мною летят скоморохи,
они, эти верные дети эпохи,
эпохи, в которой царит лицедей,
меняющий за личиной личину...
Так душу людскую меси, словно глину,
Но только сначала игрой овладей...
Певец изгибается в полупоклоне,
он сжал микрофон в онемевшей ладони,
он что-то неистовое орет!..
В партере, и в ложах, и на балконе,
вперед накрененные, как будто в погоне,
в ответ ему стонет в истоме народ.
Вот бьется мужик, рядом корчится баба,
и все это вместе — великая АББА,
а рядом в трясучке вопящий отряд...
Смотри: это век объедается джазом,
то век наш, чей ум уж заходит за разум
от бьющихся в смертной падучей эстрады...

Д О М

Я б жизнь свою построил словно дом...
Где топором, а где и долотом.
Сейчас на крышу надо бы конька!..
Но жизнь, к несчастью, дом без потолка...

Б Е Д А

Когда в ночи кричит больной ребенок,
а ночь душна, тяжка, напряжена,
когда плечей, усталых и согбленных,
уже не в силах распрямить жена,
когда на лампу примостишь газету,
и все окно в густых наплывах льда,
тогда поймешь, что в мире мира нету,
нет ничего...
А есть одно: беда!..

П О Д О Р О Ж Н И К

Тома пудовые листая, мы ищем, ищем между строк...
А истина? Она простая,
как подорожник у дорог.

Д Е Н Ъ

Я в памяти отметил дату,
идя проселочным путем...
Так в книге нужную цитату
вы отмечаете ногтем...
Ее отметил ненароком.
Тот день особый, одинок!..
Пред школой, пред ее порогом
я встал, держа портфель у ног...
Читал я заявленье МИДа,
Опроверженье. И призыв...
Бывалая кариатида
задумалась, глаза скосив...
Она так много повидала,
полвека подпирая свод,
и вот всемирного скандала
уже предвидела приход...
Стоял я, не подозревая
то, что предвидела она...
В тот день вторая мировая
на свете началась война...

СТРАХ

Знаменья! Страшная примета.
На небо мир глядит с мольбой...
Отвесно падает комета
и след кровавит за собой.
— Дрожи! завет в веках завещан
и тот наказ предельно прост...
Как волосы парящих женщин,
за каждую кометой хвост.
От вечности разверстой этой
не отвернуть смятенных лиц...
И след за каждую кометой,
как гривы страшных кобылиц.
Живем, как на походном стане...
Что там? Конец? Иль Страшный суд?
Иль, может, инопланетяне
нам тайну новую несут?
Что выкладки слепых ученых?
Что заблуждения наук?..
Сердечных ритмов учащенных
я слышу по планете стук.
Вот рыхлое, как бы от плуга,
все наше небо от комет!..
И от всемирного испуга
спасенья в самом деле нет.
То голубо, то вспыхнет ало
тот антрацитовый блеск пустот...
Когда бы неба вдруг не стало,
как нам жилось бы без хлопот.

* * *

Я считал, как в сказке, Герду с Каем,
друг от друга нас не оторвать!..
Но что делать! Мы подчас ласкаем
ту, что с кем-то будет вековать...
И бывает так, что смело кинем карту:
повезет — не повезет!..
Одному — весь свет сошелся клином,
для другого — краткий эпизод...
Я ж представить все-таки не в силах,
пусть то будет в страшном далеке,
этих рук, таких родных и милых,
глядящих другого по щеке...

* * *

Мне ль не понять всех обстоятельств дела?
Привязанность тягуча, как смола!..
Та, что мила, вдруг как-то надоела,
и близкой стала та, что немила...
И что сказать,— могила есть могила.
Боюсь, что будет все наоборот:
придет, сутулясь, та, что не любила,
а та же, что любила, не придет...

ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК

Горбясь тяжело под крестной ношей,
он ступал босой когда-то в грязь...
Чтобы вышел человек хороший,—
вот о чем история пеклась!..
Матери о том молились жарко,
о младенце, спящем чистым сном...
Даже сам божественный Петрарка
за писанием вздыхал о нем...
Не одни ж маньяки да уроды
населяют этот белый свет?..
Человек хороший — цель природы,
и другой у мира цели нет...
И не тот воинственного роста,
что свиреп, как хищник, и зубаст...
Он хороший, это так ведь просто:
тот, что не обманет, не продаст.
Тот, кому, что добрый почему-то,
горький опыт все не впрок, не впрок...
Человек хороший, это чудо,
а, быть может, даже и пророк.

* * *

Ответьте мне, прошу вас, осчастливьте.
Где вы? Мой взгляд восходит по лучу!..
И, словно человек, застрявший в лифте,
я в бесконечность на голос кричу...
Товарищи! за бесконечной глубиной
ни признаков не видно, ни примет
по разуму друзей, иль по безумью!
А, может, вас и вообще-то нет?..
Кричу, нелепей не придумать позы,
под вечным мирозданием с тоской...

А кто ты сам,
чтоб задавать вопросы?
Кто ты такой?..

ОЩУЩЕНИЕ

С. Бобкову

Вон мир вокруг
опасностью чреватый,
сто раз подстерегающей
на дню...
И как сосуд,
тот, что обложен ватой,
в себе я ощущение храню,
его храню я сквозь дневную склоку,
поругиваясь с кем-то иль шутя,
так леденец, запрятанный за щеку,
проносит меж ровесников дитя,
так женщина сквозь пламень дня,
в отваге
доносит к вазе, не помяв,
цветы,
я ощущение донесу к бумаге,
спасаемое мной
от суеты...

СКОМОРОХИ

И рек патриарх, что, мол, скоро в пороке
погрязем мы все...
А виной — скоморохи!
Срамные все эти погудки да байки.
Ломайте бандуры, рожки, балалайки!
В Кижи, где метели, в края валунов
гоните гудошников и плясунов!..
Свершается быстро неправедный суд:
и вот скоморохи на Север бредут.
В трико полосатом заморский гимнаст.
И карлик шагает, угрюм и зобаст.
И скука настала в притихшей Руси,
хоть волком завой, хоть в полях голоси!..

И только по рынкам гутарили часто
и дерзко ссылались на Екклезиаста:
— Кому он мешал, православные, смех?
Но скука вот грех-то, вот истинный грех!

КАЗНЬ

От страха холопы ползут окарач,
но смачно плюет на ладони палач.
Народ что есть силы на плаху напер...
Оперся палач на веселый топор.
— «Подвинься-ка, старче!»
— «Ты, баба, постой!..»
Нет зрелища ярче
той казни простой!
Нет зрелища слаще!
Ну, вот и конец!..
— «Такое б почаще...» —
бормочет юнец.
Домой огорченный приходит палач...
Топор был тупой. Не врезался... Хоть плачь!
Стирает рубаху покорно жена.
Никак все не смоем с рубахи пятна.
Дала ему щец, разварного мясца.
Родные детишки жалеют отца...
И люди давно разошлись по домам,
Все так как и надо: ракиты да храм...
Юродивый только, на то и юрод!
— Будь проклят, кричит,
православный народ!

НАЧИНАЮЩИЙ

Среди всех невозможных профессий
я одну до конца не пойму:
подниматься в простор поднебесий
и срываться в бездонную тьму,
легкость чувствуя в праздничном теле,
то вдруг в пропасть, а то в облака!..
Скольких шаткие эти качели
замотали вконец, за века...
Скольких в небо взлетевших не стало,
скольких нет, угодивших в провал,
не дождавшихся ни пьедестала,
ни оваций и ни похвал!..

Не пойму: почему же украдкой,
не предвидя ужасный конец,
с крепко стиснутой в пальцах тетрадкой
вновь стучит в мои двери юнец.

БОГАТЫРЬ

От загнетки тянет вонью,
опротивел быт...
Подперев щеку ладонью,
богатырь скорбит.
Он встает мрачнее тучи
с кряком на весь дом,
богатырские онучи
намотал с трудом.
Что ж, размять пора бы тело, затекла спина.
И, признаться, надоела
нудная жена...
Едет он, — пред ним дорога, —
и мычит себе...
Надпись с повеленьем рока
видит на столбе.
«Если ты поедешь влево,
то сгоришь в огне».
Богатырь бормочет: «Эва,
это не по мне!..»
«Ждет тебя, кольпустишь вправо
своего коня,
ковш резной, а в нем отравы»,
— Нет уж, чур меня!..
«Век бы не носить
шелома
и не брать пращи,
а сидеть бы лучше дома
и хлебать бы щи.
Вкруг меня жевали б детки
мед из свежих сот.
Как приятно из загнетки
теплотой несет!..»
До родимого порога
что уж, рад не рад,
та же самая дорога
повела назад...

* * *

Пред непостижной тайною природы
стоял я на коленях
и без шапки
с повинной головой,
как блудный сын...
Мне капитан один сказал,
что крабы,
почувяв приближение тайфуна,
уходят вдаль от моря,
встав в шеренгу,
как будто по команде...
Но не в этом
загадка, а таинственность
в другом:
ведь ждут они грядущего прилива
у той черты невидимой,
где точно
и резко остановится
вода...
Кто им сказал об этом?..
Как узнали?..
Ответа нет,
да и не может быть!..
Одно я знаю:
в миллион сосудов
и капилляров
мудрая природа
трубит во мне,
как в миллион фанфар!..
Что я могу ей рассказать о мире,
не понимающий простого краба
иль даже черепахи,
той, которой
догнать не сможет никогда Ахилл!

Р О М А Н Т И К А

То я к этим радостным книгам приник,
уйдя от задач и грамматик...
С землистым лицом от зачитанных книг
к утру подымался, романтик!..
Романтика необходима, как хлеб!

Вот рыцарь, надменности полон,
и герб на щите,
и наследственный склеп,
и черный, кружащийся ворон!
Поздней я иначе ее понимал,
не так, как когда-то подростком,
когда я в обмотках, простужен и мал,
в строю проходил подголоском...
Иль пылью вставал до полнеба июль!..
Печальных иллюзий утрата!
Романтика черных армейских кастрюль,
перлового концентрата.
И сильный, как будни, басок старшины
и поломоная щетка...
Зато все задачи мои решены,
зато все так просто и четко!
Уметь увильнуть от наряда хитро,
вздремнуть, коль басок не разбудит...
Но это,— лишь только коснется перо,—
и сразу ж романтикой будет,
И сразу же по мановенью пера
все вспыхнет, как в пламени, ало!..
Пора же, товарищ мой старый, пора
вздохнуть нам о всем, что бывало,
и юность сквозь дымку промчавшихся лет
в магическом видеть кристалле!..
Но юности, друг, без романтики нет!..
И мы ее все же знавали.

П Р О В И Н Ц И Я

А где-то есть провинция с геранью,
с бегущей к речке ниточкой тропы,
с обязанным неполному сгоранью,
могучим дымом заводской трубы.
Здесь люди в огородах до работы...
Но здесь нельзя пройти после дождя.
И в лужах возле клуба моют боты
работницы, на танцы приходя...
Чтобы петух мог долго кукарекать!
Сесть, шелуху смахнувши, на скамью!
Но я москвич. Мне некуда приехать...
Иметь бы мне провинцию свою!..

Но как-то раз по воле квартирьера
я в юности был послан на постой
на месяц в дом за баней, возле сквера,
меня очаровавший простотой...
И за рекою был закат сиренев.
Гуляли мы там, где покос и бор...
В ее руках — зачитанный Тургенев
и гребешок в прическе на пробор...
Я уходил с полком. Вспорхнули галки.
Макитры колыхнулись вдоль плетня...
Мне не забыть слезы провинциалки,
что выбежала проводить меня.
И где-то сохранилось там за гранью:
шли котелками в тишине бренча,
дома резные с пестрою геранью,
пустынный сквер, забор и каланча...

О Д И Н

Обомлев в мучительной истоме,
рухнул мой товарищ, инвалид...
Он в каком же инвалидном доме,
или в землю он давно зарыт?..
Он, принадлежащий пополнению
тех бесчисленных миллионов,
тех, что прошли неслышно тень за тенью?..
Даже вспомнить мы не в силах всех!
Одного его лишь почему-то
светлый лик стоит передо мной!..
Делимся, замешанною круто,
немудрящей кашей просяной.
Он один сейчас дороже брата,
матери, подруги и отца...
Мы сидим у бездны, что разъята,
и не видно у нее конца...
Он один был дорог мне когда-то...
Где же он? А я живу пока...
И лежат рядом два автомата,
два зеленых вещевых мешка.

РЕВНОСТЬ

Ты вся как будто бы роман в журнале,
что по частям к подписчикам идет...

Уже твое начало прочитали в отдельных выпусках
за прошлый год...

Открытая,
ты вся тут, без обмана,
забыто все,
что было — тлен и прах!
Я ж начал с продолжения романа!..
Но все ж, что было в прежних номерах?

* * *

Что ж, их жалеите,
коль сроднились с ними,
коль сжились, коль срослись уже в одно.
Наверно, нелегко стать вдруг родными,
такое, видно, не всегда дано.
Не думайте, что, дескать, век не прожит,
а ими полон круглый шар земной:
никто, возможно, заменить не сможет
той, горько полюбившейся, одной..
Но все-таки скажите:
— Я покину, коль будет надо, эту вот — одну!..
Привязанность страшна и к кокаину,
и к женщине, и к славе, и к вину!..

* * *

Что ж, покойная старость,
что лучше быть может на свете?..
Поживу еще малость
в вечернем, скудеющем свете!
До свидания, молодость,
вечно прощался с тобою,
но подчас возвращался
к тебе, словно волк к водопою..
Что же срок мой неведом...
Но вдруг я почую отраду,
и укутаюсь пледом,
и в кресло глубокое сяду,
счастлив думой простою,
и станет легко почему-то...
Неужель за чертою
тревога, безумье
и смута?

ПОЛДЕНЬ

Безмятежным полднем там, где сосны редки,
будем мы с тобою медленно бродить,
отводить рукой мешающие ветки,
песни в полуголос заводить...
Сколько же на свете может быть покою!
Отраженья сосен вымокнут в ручьях...
Мы с тобою встанем молча над рекою,
ты забудешь руки на моих плечах...
Облака пройдут по небу без усилий,
паутины слабой чуть провиснет нить...
Я-то не сторонник этаких идиллий.
Этому, я знаю, никогда не быть.

В ПОЕЗДЕ

Раздувало движением шторку!..
Я увидел леса и поля...
Ах, какие дала мне восторги
вся в зеленой одежде земля!
Я стоял, в дни, куда прямая
шла дорога моя на Восток,
всю природу к лицу прижимая,
как вдова прижимает платок...
По ночам я стоял, ощущая,
на ладонях полей теплоту...
Не забуду вагонного чая,
что мне губы ожег на лету!
И поклялся, что буду отныне
вечно славить природу одну,
ты, что в зелени яркой и в сини
вся в окне уместилась в длину.
И вагонным колеблемый зудом
перед рощей, речушкой, мостком,
я давился, пропахшим мазутом,
ветровым паровозным
глотком!..

КАРАВАН

Мех щипан на шапке, халат его рван.
Ведет караванщик в степи караван.
Вперед, караванщик, давай, не тужи!..
А там полыхают всюю миражи!

Не знаешь зачем ты идешь и куда...
Вон: ждут тебя пальмы,
мерцает вода!..
Но ты не впади и в восторженный раж!
Ведь это ж оазис, мой друг, не мираж!
Напешься воды... Но ведь в том и беда:
опять тебе думать: зачем и куда...

СУФИИ

Здесь шербет в резном графине розов,
в синей чаше желтая халва...
Сумрачный, морщинистый философ
пишет вязью тонкою слова.
Что ему до наслаждений плоти,
до лежащей женщины вон той?..
Как орел в медлительном полете,
он давно парит над суетой...
На лице его скользнет гримаса,
коль мелькнет на миг исподтишка
нежное таинственное мясо
женщины закутанной в шелка.
Дух один не ведает изъяна,
прочее уводит в пропасть нас!..
Только мудрость да глоток кальяна
надобны мыслителю сейчас.
Что он знает? Предан богословью.
Чтут его и нищие и знать...
Где ты, юность с пламенной кровью?
Разве без нее наш мир понять?..

НИЩИИ

Он нарядами и сладкой пищей
в этой скудной жизни обнесен.
Он стоит, простой восточный нищий,
и вся жизнь вокруг него как сон.
Кто не знает старого Бабая?
Он как гость незваный на пиру.
Перед ним ведь женщина любая
открывает, не боясь, чадру.
Что с того, ведь он до них не лаком,
кое-как проживший жизнь свою,
потому, что праведным аллахом
гурии обещаны в раю.

Он стоит... Нужно его отрепье
и морщины темного лица,
чтобы оттенять великолеплье
шахского глазурного дворца.

Т Е Н Ь

Долог день в долине Заравшана,
долог день и труден, труден путь...
Мы в тени привольного платана
сядем у дороги отдохнуть...
Мы напьемся тут же без посуды
из меланхоличного ручья...
Мерно лягут сонные верблюды,
медью сбруи бережно бренча...
Солнце иступленное Востока!
До бела нагревшиеся дни!
Путник, ты заплатишься жестоко,
если не окажешься в тени!
Павши, обессилев, на колени,
ты благословишь на все лады
этот клоч полупрозрачной тени
и полгорсти истинной воды...
Утирая крупный пот полою
у мангала средь семьи родной,
вспомнишь все зимой за пиалю,
ты, познавший настоящий зной...
И в краю, где ягель и олени,
где сквозь тучи брезжит тусклый свет,
не поймут вовек того,
что тени ничего дороже в мире нет...
И в столичном парке, там, где смута
пятен от деревьев, в выходной,
ты лишь улыбнешься вдруг чему-то,
ты, познавший
настоящий зной...

О К Е А Н

Да, он такой. Тут дело не в обмане!
Он разным быть имеет все права!..
Взгляните в даль, туда: до самой грани
надежная густая синева.
Но около камней прибрежных пена
играет. Приближается волна.

Вы в океан зайдите по колена.
И ахнете — вода-то зелена!
Но вы не возмущайтесь, а в поклоне
согнитесь осторожно, и тогда
зачерпнутая бережно в ладони,
окажется бесцветною вода.

Д Е Р В И Ш И

Посередине города Дамаска
ты вдруг остановись и подивись
на дервишей кружащихся, их пляска
есть путь один из этой жизни ввысь.
А как их во все стороны бросало!..
Иначе, видно, и не вразумишь
мордастого кричащего базара,
где дыни, абрикосы и кишмиш...
Глядит остолбеневший иностранец,
среди общего безумья, одинок:
тут люди не жалеют рук и ног,
к бессмертью приобщаясь через танец.

* * *

Нет, казалось, тяжелей обузы,
чем такая странная судьба!..
Вот она перебирает бусы,
госпожа, советчица, раба.
Ей сегодня выпадает карта,
очередь ее стонать, дрожа,—
ожидает с грацией гепарда,
выбранная на ночь, госпожа...
Вечная испытанная тема
для певцов восточных всех времен...
Там в прозрачном сумраке гарема
бродит эхо множества имен.
Как листочки приторны и клейки
губы, что отведали вино,
Гюльчахры, Гюзели и Зулейки,
но они ведь, в сущности, одно!
— «Словно бусинки на женской коже,
воскликает, взяв перо, поэт —
друг на друга все они похожи,

женщина, так в чем же твой секрет?...»
Разные браслеты и запястья,
да волос и глаз различен цвет,
но ведь все равно для сладострастья
никаких различий больше нет!
Всем им не уйти уже из Круга,
все они любить умеют власть!..
В чем же их различье друг от друга?
Почему ж к одной бывает страсть?
Об одной талдычит до упаду
западный певец опять, опять...
Он одной слагает серенады,
и других он не желает знать!
Со своей мечтательною лютней
под окном проводит ночь без сна,—
нет единственной и абсолютней,
чем вот эта самая, одна!

С Т Е П Ь

На степи буддийской только храмы.
Ничего иного. Небеса...
Как он важен для сухого ламы —
поворот святого колеса!..
За столетьем проплывать столетью,
ровное спокойствие храня...
Всадник лишь подчас на взлете плетью
обожжет горячего коня...
Путь единый на житейском поле,—
все иные ложные пути!..
И один завет: не хочешь боли,
то и удовольствий не хоти.
Все одно и то же будет снова:
степь, хребет лиловый да леса...
Жизнь твоя дымком костра степного
уплывет в пустые небеса.

ЖЕНА

Яблоко Адаму в райских куцах
поднесла лукавая жена,
и последствий далеко идущих не могла предугадать она.
Так что благовоньями омыта,
от истомы слабая весьма,
яблоком просила Суламита угостить под музыку сама.
Мы идем посередине лета.

Этот вечер кунцевский хорош!
Яблоко из моего пакета
ты рукой неловко достаешь.
Кто-то спорит на крыльце о спорте,
«Гастроном» в саду наискосок...
В розовом мичуринском апорте
тот же самый ядовитый сок.

ФИЛИМОН И БАВКИДА

В нашем веке
не ладятся в семьях дела,
постоянных разводов
трудна волокита...
В древнем мире
счастливая пара жила,
золотая чета —
Филимон
и Бавкида.
И казалось, навек
заколдованный круг
в понедельник начнется
и так до субботы:
виноградник и мельница,
поле и луг,
чтоб опять к очагу
возвращаться с работы.
К нам дошла,
до сегодняшних
смутных времен,
эта чистая сказка
античного быта.
И за плугом шагал
целый день
Филимон,
и сидела за прялкой
до ночи Бавкида.
А когда среди поля
вдруг стало темно,
хлынул ливень,
завыл зимний ветер
уныло,
он тогда перестал
веять в поле зерно,

и она его грубой туникой
укрыла...
И качался на ветке
тяжелый лимон,
бедный домик
плющом был увит
деловито...
И однажды
глаза вдруг смежил
Филимон,
и глаза свои тотчас
смежила Бавкида.
Видно, дан был
им этот удел неспроста.
И, покинув края,
что милы и убоги,
крепко за руки взявшись,
вошли во врата,
где их встретили
с тихой улыбкою боги.

НА УЛИЦЕ

На красный свет,
среди уличного гула,
я перешел бульварное кольцо.
И вот передо мной на миг
мелькнуло
задумчивое женское лицо...
Навек,
среди толпы,
одетой броско,
нас разделил
летающий самосвал...
Запомнил я:
обычная прическа
и личика внимательный овал.
Московским днем
на улице рябило.
Автомобиль
протяжно протрубил...
И понял я:
она б меня любила,
и я б ее любил.

* * *

Ах, подчас какие в человеке
силы могут быть заключены!
Мне вчера билет в районном ВТЭКе
выдали:

я инвалид войны...
Дайте мне костыль и старый китель!
Я ведь все же что-то а пожил!..
На минуту ангел мой хранитель
крылья терпеливые сложил.
...Про поля, что кровушкой политы,
про дорогу трудного полка
вечерком толкуют инвалиды
около фанерного ларька.
Подойду я и скажу: ребята!
Дайте пива с горькой пополам!
Вся моя душа сейчас объята
нежностью товарищеской к вам!
Мы стоим, друзья, всех ближе к краю.
И над нами торжествует рок!..
И стакан граненый выпиваю,
я ломаю плавленный сырок.
Я ничем вас, други, не обидел?!
Я пойду опять в мирскую ширь,
потому что ангел мой хранитель
вновь меня ведет, как поводырь.

* * *

Сколько, брат, ночами ни работай,
ни скитайся, все же есть предел!..
Круг семейный с полной свободой
совместить ты так и не сумел!
Ты хотел, чтобы летели нарты,
увозя тебя в метель и тьму,
заходить к художникам в мансарды,
спорить за бутылкой и в дыму,
чтоб под бок нашлась в полях солома,
чтоб ломать бессмысленно комедь,
чтоб до смерти ни семьи, ни дома
так и никогда и не иметь!
Чтобы вдруг на пьяной вечеринке
в старости средь юных забулдыг
на тахте скончаться, сняв ботинки,
валидол засунув под язык...

* * *

Вот Адам и Ева...— рядом овен
на лугу среди простых утех...
Мир был изначально безгреховен,
а потом уж появился грех.
И тогда не стало с миром слада,
человек, вкусив добра и зла,
рухнул, и греховная услада,
словно мед прозрачный, потекла.
И девчонке непонятен довод
истины и, к высоте глуха,
жадно ртом потрескавшимся ловит
каплю вожделенного греха!
Можно долго говорить о разном,
но одно ведь на уме у всех:
женщина, блеснувшая соблазном,
тайно зазывающая в грех.
Что ж, в него бросаются, как в прорубь!..
Только вон гуляет без помех
по карнизу белоснежный голубь,
тот, что вечен, как и вечен грех.

У ЛАРЬКА

Делить я не хочу с тобою даже мига
и вечности делить я тоже не хочу...
У квасного ларька запойный горемыка
мне хлопнул как-то раз ладонью по плечу.
Он тут же раздобыть стаканчик постарался,
бутылку белого, два плавленных сырка.
Средь мира этого, где нету постоянства,
мы постояли с ним. Я захмелел слегка.
И помню до сих пор единственную фразу:
— Я в мире сем пожил, такие, брат, дела!..
Меня же ни о чем он не спросил ни разу,
лишь кинул мне: — Ушла? — И я сказал: — Ушла.

* * *

Соблазн опять велик задуматься глубоко,
как Пенелопа ждать, как Пенелопа прясть,
и в гулкой тишине живую тайну бога,
зевнув с трудом в ладонь, негаданно украсть.

Но к днищу корабля уже давно налипли
медузы и рачки неведомых морей.
И вот уже давно толкуют на Олимпе:
— Куда ты, Одиссей? Вернись домой скорей,
чтоб чашу воспринять с ладони домочадца,
чтоб головой кивать жужжащей прялке в лад!..
Но Одиссей домой не хочет возвращаться,
давно простор морской надежней во сто крат.

У МАГАЗИНА

В магазин со своей стеклотарой
он доплелся — и вот вам удар:
водки нет! И стоит он, нестарый,
потерявший свой творческий дар...

Был когда-то он молод и в теле,
взгляд сиял его зло и умно,
и писал он все время в постели,
на прогулке, в метро и в кино.

Он подчас просыпался ночами!
Был усеян бумагами пол!..
Только ангел, что был за плечами,
рассердился вдруг — раз и ушел.

Он ругался, он бился, он плакал
и беспомощен стал как дитя...
Не вернется обиженный ангел,
беспощадно — за что-нибудь — мстя.

УЧЕНИК

Есть в Мюнхене пинакотека.
Почти под самым потолком
картина есть одна:
Сенека
прощается с учеником...

Вот так и ты:
палимый лютой
тоской по знанью,
чист и смел,
застигнут смертной минутой,
отдай все то, что ты имел!

Знакомых безразличны лица,—
их не благословит рука!..
Твой взгляд, тускнея, отразится
навек в глазах ученика...

Душа, как келья, опустела,
повергнув в черный мрак родню.
И женщины омоют тело
и предадут его огню.
И по траве в обильных росах,
под чистой синевою высот,
тот мальчик робкий,
взявши посох,
твой взгляд по миру понесет.

СОЛОВЕЙ

Нам не страшны прозрачные угрозы,
что над землей задует снеговой,—
над лепестками облетевшей розы
задумался
веселый соловей.
И он почти что умирал от жажды,
забавным звуком полоскавший рот.
Затем что песнь, пропетая однажды,
веками
в этом мире
не умрет.
Трель
в пустоте звучит не убывая,
от той истома,
схваченной живьем,
в бескрасочном пространстве пребывая,
меж розою ночной и соловьем...

* * *

Простите мне, стихи, что я кормился вами.
За вас, мои стихи, что я провыл нутром,
буханку рижского я брал в универсаме
и соли полкило имел я за надлом.
Простите мне, стихи, но часто пачку чая
я за свою тоску приобретал.

Издательский кассир, меня не замечая,
презренный мне отсчитывал металл...
Простите мне, стихи. Хозяйственного мыла
я приобрел и леденцов на вес
за вас, пришедшие мне из другого мира,
ниспосланные мне, так, ни за что, с небес.

* * *

Я когда-нибудь
снимусь над молом,
с облаками где-то вдалеке...
Я хочу запомниться веселым
с веткою какой-нибудь
в руке!
Чтоб плясали лодки над заливом,
чтобы ветерок его рябил...
Я хочу запомниться счастливым,
тем, каким
я никогда не был!
Чтоб за кипарисом южный город
виден был вдали едва-едва,
чтобы был распахнут
белый ворот,
дескать, все на свете трын-трава!..
Чтоб контрастно вышла бы
при свете
тень от улетающих волос...
Вот таким я быть хотел на свете,
и таким мне быть
не удалось.

СОДЕРЖАНИЕ

Космогония	3
Фургон военторга	3
«Это странное чувство свободы...»	4
Жар-птица	4
Клятва Гиппократа	5
«В зале вокруг прекрасной Афродиты...»	5
Небо	6
Будни	6
Космос	7
Чай	7
Зал	8
Дом	8
Беда	9
Подорожник	9
День	9
Страх	10
«Я считал, как в сказке Герду с Каем...»	10
«Мне ль не понять всех обстоятельств дела?...»	11
Хороший человек	11
«Ответьте мне, прошу вас, осчастливьте...»	11
Ощущение	12
Скоморохи	12
Казнь	13
Начинающий	13
Богатырь	14
«Пред непостижной тайною природы...»	15
Романтика	15
Провинция	16
Один	17
Ревность	17
«Что ж, их жалеете...»	18
«Что ж, покойная старость...»	18
Полдень	19
В поезде	19
Караван	19
Суфий	20
Нищий	20

Тень	21
Океан	21
Дервиши	22
«Нет, казалось, тяжелей обузы...»	22
Степь	23
Жена	23
Филимон и Бавкида	24
На улице	25
«Ах, подчас какие в человеке...»	26
«Сколько, брат, ночами ни работай...»	26
«Вот Адам и Ева... — рядом овен...»	27
У ларька	27
«Соблазн опять велик задуматься глубоко...»	27
У магазина	28
Ученик	28
Соловей	29
«Простите мне, стихи, что я кормился вами...»	29
«Я когда-нибудь...»	30

Евгений Михайлович ВИНОКУРОВ

КОСМОГОНИЯ

Стихи

Редактор **М. М. Жигалова**

Технический редактор **О. Н. Ласточкина**

Сдано в набор 28.11.83. Подписано к печати 13.01.84. А 00305.
 Формат 70×108^{1/32}. Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
 Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40. Учетно-изд. л. 1,73.
 Тираж 100 000 экз. Изд. № 335. Зак. № 1826. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
 газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва,
 А-137, ул. «Правды», 24.

**● НОВЫЕ ВИДЫ
РАДИОЭЛЕКТРОННОЙ АППАРАТУРЫ
РЕМОНТИРУЮТ МАСТЕРА
СЛУЖБЫ БЫТА.**

Мастера предприятий по ремонту радиоэлектронной аппаратуры устранят любые неполадки в работе электронных приставок телевизионных игр, автомобильных проигрывателей магнитозаписи, видеомэгнитофонов, музыкальных центров, тюнеров, усилителей низкой частоты, комбинированных устройств, электромузыкальных инструментов...

Росбытреклама